

Прототип

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Храмовских

Прототип

<https://litres.ru/73980091>

SelfPub; 2026

Аннотация

Запакованные в шотс-роман в стиле кибер-панк детектива ответы на три главные вопроса: кто, для чего и каким образом создал нашу Вселенную.

Содержание

Пролог	4
За час до конца света	4
Часть 1 За 100 лет до конца света	12
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Храмовских

Прототип

Пролог

За час до конца света

Я визуализировал перед глазами шкалу прогресса загрузки — 97%. Сердце колотилось, но не от страха, а как в детстве перед какой-то долгой интересной поездкой с родителями. Тогда почти все предстоящие поездки казались долгими и очень интересными.

Я вспомнил всех своих и задумался — наблюдают ли они сейчас за процессом, волнуются ли в предвкушении, или цифровая форма уже не предполагает никаких чувств. Тоска. У меня вырвался тяжелый вздох.

— За периметром замечена аномалия, — раздался в голове голос системы безопасности.

— Выведи на камеры, — мысленно приказал я.

— Уже выведено.

«Транспортное средство;

автопилот: отсутствует;
идентификация: не выполнена;
связь с ТС: не установлена».

Много же ты на себя берешь, друг. Как же можно быть таким слепощарым и твердолобым. Ну что ж, проверим, насколько тверд твой лоб на самом деле.

— Остановить, — отдал я мысленный приказ.

— Есть остановить! — отозвалась система.

Я вывел перед глазами камеры дронов-наблюдателей. Система отправила сообщение «Въезд запрещен. Измените маршрут», но, кажется, оно никем не было принято. Грузовик с лобовым, обшитым железом, мчался к воротам. Турели открыли огонь. От грузовика полетели искры. Оба передних его колеса лопнули, автомобиль осел, но продолжал движение. Из-под капота повалил густой черный дым. Но тягач не сдавался. Где-то же он раздобыл сейчас машину без автопилота, и ей лет двести, наверное.

Система вывела: «Боевые единицы активированы».

К турелям наконец-то присоединились выбежавшие навстречу грузовику охранные роботы и ударили из всех стволов. От кабины полетели ключья железа, она стремительно обрастала пулевыми отверстиями. Но для остановки такой техники этого, видимо, было мало.

Грузовик снес ворота, турели, охранных роботов и с размаху влетел в главный вход. Я переключил камеру. В холле

моего неприятеля уже поджидал с десятков роботов с автоматами. Они сканировали кабину:

«Угроза классифицирована;
тип: человек;
... классификация уточняется».

Дверь с грохотом распахнулась. Из нее кубарем выкатился он. Сходу обезоружив и скрутив одного из охранников, он начал палить по остальным из допотопного автомата, прикрываясь пленником как щитом.

«Боевых единиц уничтожено: 19;
вероятность остановки: 12%».

Дроны-камикадзе роились у входа, но их пролету мешал стоящий грузовик, а точнее то, что от него осталось. Путь для прибывшего был свободен. Он спокойно побрел к лифту, даже не прячась. Нажал кнопку вызова и уставился на меня через камеру.

— Подкрепление в холл, — скомандовал я мысленно.

— Есть, — отозвалась система.

Он зашел в лифт. Минуту возился с панелью управления. Он как будто совсем не спешил.

— Лифт номер три активирован.

— Деактивировать!

— Лифт номер три деактивирован... Ошибка... Нет связи с устройством...

— На какой этаж запущен лифт?

— Нет связи с устройством... Ошибка...

— Охрану на все этажи, начиная с сорокового!

— Есть!

Я настроил камеры всех этажей на регистрацию движения. Переключился на камеру в лифте. Он спокойно стоял и смотрел прямо на меня через объектив. Я включил громкую связь:

— Привет, друг. Вижу, ты настроен решительно. Последний раз вынужден тебя попросить, в память о былых временах, — остановись. Мне придется тебя остановить, понимаешь. Я не прекращу работу в любом случае! Ты погибнешь.

Мой бывший товарищ пожал плечами, навел на камеру ствол. Вспышка. Черный экран. Гаденыш, а! Камера на шестидесятом этаже зафиксировала остановку лифта. Я переключил экран. Охранники были наготове. Дверь медленно откатилась, и они открыли огонь. А я закрыл глаза. Мне не хотелось видеть, как его тело разрывает на куски. Это так тяжело, что мне приходится разбираться с ним в одиночку, но выбор сделан.

«Классификация угрозы: не обнаружено».

Я с облегчением открыл глаза, но не увидел в изрешечен-

ном лифте никакого тела. Роботы заходили внутрь и растерянно осматривали кабину.

И тут я ощутил этот земной толчок всем телом. Двери третьего и соседнего лифтов взорвались потоками огня. Охранников в холле снесло взрывной волной, а тех, кто был в лифте, разорвало.

«Боевых единиц уничтожено: 31;
вероятность остановки: 9%;
вызвано подкрепление».

Из четвертого лифта выискивает он. Палит с двух рук. Подоспевшие роботы валятся ему под ноги.

— Они что, мажут?! — вслух прокричал я.

— Исключено. Система наведения просчитывает одновременно три миллиона вариантов. Попадания фиксируются.

— Так что же, он бессмертный?! Или сумасшедший?!

— Не могу знать. Возможно, в объект интегрирована броня. Идентификация невозможна, — сухо, как всегда, доложила система наблюдения.

— Псих чертов! Надеюсь, он ошибается! Потому что, если ошиблись мы, — ошиблись все, и сам бог в том числе!

Кстати, насчет «мы», никто мне не ответил — все притихли и молчат. Как будто им плевать.

Я мысленно направил призыв остальным. Но на связи ни-

кого не было.

«Боевых единиц уничтожено: 54;
вероятность остановки: 3%;
вызвано подкрепление».

Он выпотрошил оба магазина и перешел в рукопашный бой. В другой раз я даже бы залюбовался этой картиной — роботы не могли по нему попасть или же им не удавалось пробить его броню. Он наносил удары всеми конечностями. Быстро и точно. Знал уязвимость каждой модели. Один удар — и очередной робот валился ему под ноги, а он просто перешагивал и принимался за следующего. Честно говоря, становилось страшно.

— Заблокировать выход на пожарную лестницу! Огонь прекратить! — осенило меня. Странно, что эта идея до сих пор не пришла автоматической системе безопасности, в которую вложены миллиарды, и которая просчитывает, как мне было заявлено, несколько миллионов вариантов в секунду. Все же, не оцифрованная человеческая натура может обойти законы математики. Хотя, человеческая ли?

— Простите? — надо же, система, оказывается, умеет удивляться!

— Не прощу! Санитаров на пожарную! Включить микрофон у двери и громкую связь!

— Есть!

«Роботы-санитары активированы: 15 шт».

Он оторвал руками голову последнему охраннику и подошел к двери. Поднял глаза на камеру. А очки с его лица так и не слетели. Приклеивает он их, что ли?

— Микрофон включен, друг мой. Мне показалось, ты хотел мне что-то сказать, — начал я.

— Мне нечего добавить к нашему последнему разговору, друг. Я все равно войду, ты же понимаешь?

— Ну чего ты хочешь?!

— Ты знаешь — чего! Останови вашу адову машину! Вы нас всех к херам погубите! Весь мир погубите!

— У меня другое мнение.

Я вывел себе в правый глаз камеру с пожарной лестницы. Санитары были уже наготове. У каждого из них на борту бегемотья доза препарата. Если навалятся на него толпой, это может сработать. Им ведь не придется тратить время на высчитывание траекторий как боевым машинам, чтобы не задеть своих. Гениально!

— Это не твое мнение! Тебе его внушили! Открывай эту чертову дверь уже!

— Ну как пожелаешь, — я подал команду и вывел на весь экран глаза роботов-санитаров.

Мясорубка продолжалась. Я переключил зрение на внешние камеры, от вспышек в глазах гибнущих роботов уже под-

катывала тошнота. И страх. Да-да. Подлый холодный ком в середине груди. И холод уже полз вверх по позвоночнику. Мы не можем ошибаться! Система все посчитала! Совершенный мир без боли и страхов вот-вот появится...

«Боевых единиц уничтожено: 76;
вероятность остановки: 1%;
вызвано подкрепление».

Он поднимался. Еще пятьсот ступеней, и он будет здесь. Роботы хрустели у него в руках как соломенные. Он не может быть человеком! А тогда кем может?

«Вероятность остановки: 0,000004%;
обновление данных...
загрузка системы 99%».

Часть 1 За 100 лет до конца света

Глава 1

— Ну за встречу! — Демиург поднял рюмку, и все тоже.

— Так... Я ппппппппока на пиво перейду, чтобы не накккккидаться...

— Так ты еще скорее накидаешься, но дело твое. Как дела с бизнесом?

— Слушай, да хорошо. Нашлись бандиты, кккккоторые хотят инвестировать в расширение, чтобы на объем выйти, — кажется, Коммерса вопрос друга застал врасплох.

— Ой, а что у вас за бизнес? — захлопала ресницами пышногрудая блондинка.

— Да так... Ну дддддельце небольшое. Ттттак, хлопчем ппппо-маленьку, — смутился бизнесмен.

— Коммерс у нас голова! — я решил поддержать друга, — ну и эта идея намного лучше, чем, например, совместить крематорий и крабовую ферму!

— Как это вообще можно совместить? — продолжала задавать вопросы блондинка.

— Расскажу? — как можно тактичнее поинтересовался я.

— Ввввваляй!

— Ну суть такая: строим крематорий, но трупы не сжигаем, а кормим ими крабов, чтобы росли жирненькими. Этих крабов поставляем в рестораны, а обглоданные кости вместе с торфом — в печь. Ну еще и этой энергией отапливаем близлежащие районы. Но, кажись, нашего Коммерса похоронная мафия самого бы в крематории подкоптила... Поэтому бизнес другой. Полезное дело — мобилы апгрейдить, — оттарабанил я.

— Ну без тебя бы не ввввыгорело, — отгостовал банкой пива Коммерс в мою сторону, — Хакер где-то ппппрочитал, тттто ли сам ддддопёр, что мобилы современные делаются на одной материнской пппплате для экономии рресурсов, ттттак сказать. Ну вот если там на пппппаре контактов посадить, ккккак он сам выразился, соплю...

— Перемычку поставить, — решил я уточнить.

— Дда... Поставить эту самую ссссоплю. То телефон ммммагическим, не иначе ккккак, образом становится на кккккласс выше, и, ккккак следствие, на несколько ттттыщ дороже. И подсветка там меняется, и голосов в ррррингтонах пппприбавляется, да даже кое-где начинает ррррработать жжжжопорез!

— Что работать? — опять подала голос блондинка.

— GPRS. Интернет появляется, можно как модем использовать, — уточнил я.

— Да! Ппппредставляешь, был у тебя телефон класса «А», а стал класса «Е», тттолько шкуру заменить, и прода-

вай, — Коммерсу явно нравилось рассказывать.

Алкоголь начал действовать, и он заикался все меньше.

— Не боишься, что за тебя возьмутся владельцы этих ларьков с мобилами? — подал голос доселе молчавший Журналист.

— Ну вот для этого я и хочу заручиться ппподдержкой нашего регионального ккупечества, — парировал Коммерс.

— Бандитами?

— Ну я так и сказал же! — не растерялся бизнесмен. — Что мы все обо мне? Расскажи лучше, о чем стттатья твоя? Очень ждем, но может, так сказать, пппприоткроешь завесу?

— Да-да! Просим! Просим! Расскажите, — хором зашебетали присутствующие на этой вечеринке дамы.

— Нуууу... Статья о том, как носители информации поменяли музыкальные жанры, — начал Журналист.

— И как же? — томным голосом поинтересовалась сидевшая рядом с Журналистом рыжая красавица.

— Ну судите сами. Сначала музыка передавалась из уст в уста, и, наверняка, каждый носитель музыки передавал ее в своей интерпретации. На этом этапе ни про жанры, ни про длительность, ни про форму говорить нет смысла. Как запоминали, так и воспроизводили, и так же были вольны улучшать эту музыку на свой вкус. Затем человечество изобрело некий стандарт звучания — строй, и тут же применило к этому стандарту письменность, и так были изобретены ноты. И

вот тут-то и зародилось авторство! Можно было, освоив специальные музыкальные символы, записать свое сочинение и даже увековечить свое авторство! «Это я сочинил! Это мое, играть вот так-то и так-то, такие-то инструменты использовать». Затем началась каталогизация — сочинений становилось все больше, и нужно было как-то в этом многообразии ориентироваться. Чтобы по наименованию жанра, например, понимать длительность произведения, состав бэнда. Музыка теперь передается в письменном виде, никаких ограничений в длительности и экспериментах нет. В конце восемнадцатого века Томас Эдисон презентует свою технологию звукозаписи. Принято считать, что так появился третий носитель информации. Звук записывался на восковой валик и с него же воспроизводился. Коммерческой составляющей этот проект практически не имел, так как длительность звучания ограничивалась двумя минутами. Спустя почти полвека анонсируется двухсторонняя пластинка грамзаписи. Виниловая. Длительность записи достигает уже до четверти часа. А это уже позволило записывать произведения целиком. Ну точнее те, которые помещаются в этот формат. Тиражировать пластинки еще не умели, и каждая писалась в реальном времени. Я думаю, это способствовало упрощению музыки: меньше инструментов, меньше людей — чтобы они за раз поместились в звукозаписывающую кабинку. Опять же возросли требования к уровню мастерства — требовалось записывать одинаковые дубли по десятку раз в день. Ну представля-

ете —неделю писать один и тот же сет-лист! Волей-неволей задумаешься над тем, как упростить аранжировку. И в итоге человечество пришло к новым жанрам: джазу, блюзу, рок-н-ролл где-то там наклеывается... Симфонические оркестры получают конкурентов — небольшие бэнды, которые делают продукт при минимуме затрат! А, ну и длительность произведений идет в сторону сокращения, потому как, чем больше песенок запишаешь на каждый виниловый бок, тем выгоднее! Пятидесятый год двадцатого века — выходит новинка — катушечные магнитофоны, а следом и многоканальная запись! Вот где уже музыкальный люд мог разгуляться-то! Длительность записи достигла до одного часа, стало можно писать отдельные инструменты наложением! Уже весь микс не лезет в один микрофон! Можно писать перегруженные гитары и мощный вокал. Эра рока — как она есть. В то же время некоторые ушлые дельцы придумали синглы! Маленькие пластинки с парой треков — этакая демо-версия альбома. Купил в автомате и слушаешь — решаешь, зайдет тебе новый альбом битлов или же нет, — порожняк очередной. Хотя с их-то славой тогда можно было и так не размениваться. Эпоха экспериментов, одним словом. Миру были открыты «Пинк Флойд», «Лед Зеппелин». Теперь можно было себя ни в чем не ограничивать, а писать все свои кислотные джемы сразу на бобину, а потом еще резать, склеивать монтировать, дописывать. Можно стало даже в одиночку записать альбом. Но! Требовались студии. Специально оборудо-

ванные, с дорогим железом. Так что какому-нибудь колхознику об альбоме было мечтать и мечтать. А еще можно было даже выпустить не одну катушку, а несколько. Хоть всю оперу целиком продавай! Но народу опера, конечно, не нужна была. Дальше у нас появляются компакт-кассеты — стало возможным брать музыку с собой и слушать на природе или в машине! Тиражирование стало дешевле, вот! Точно! Эра экспериментов! Выпустил недорогого тираж и смотришь на реакцию. И это был рассвет поп-музыки плохого качества и всяких андеграундных стилей. А, ну кстати, теперь можно было писаться самому, да без всяких многих дорожек и монтажа. Но теперь колхозник с гитарой или какой-нибудь бард мог сесть с инструментом у мафона и записать альбом, а потом еще и дома его перезаписать сотню раз. «Металлика», например начала свой путь так. Их барабанщик просто рассылал свои кассеты по адресам из журнала про металлюг — где искали друзей по переписке. И когда они начали гастрольную деятельность, их уже худо-бедно знали по стране. Гениальный же ход! Ну пиратство, конечно же, приобрело коммерческие масштабы. Оно и раньше было, но теперь это явление нарушало закон об авторских правах. Много интересных судебных тяжб возникает в то время. Мне кажется, люди стали из-за этого бояться музыкальных совпадений, и это стало двигать их в сторону экспериментов. Компакт-диск мало что поменял. Может быть, люд стал более требователен к качеству звука. Опять же, это не мешало двигаться альтер-

нативным жанрам — панку, например. И вот наступил переломный момент! Изобретение протокола сжатия музыки mp3! Девяностые годы нашего века. Совсем недавно, считай! Распространение — по e-mail или на дискетах. Можно выложить на FTP-сервер — качай не хочу. Лейблы забеспокоились — теперь они не держали музыкантов за яйца, и контролировать музыку производством физических носителей стало невозможно! Свобода творчества! Вместе с этим умирают альбомы как явление. Нет смысла составлять песни в подборку, как это видел автор, если любой дурак с плеером может включить рандом! Я и сам сейчас альбомами не слушаю. Просто с вечера записываю на свой плеер песни по вдохновению, предвкушая, как пройдет мой завтрашний день. То есть я фактически создаю каждый день саундтрек своего следующего дня! И плевать мне, что та же «Металлика», например, всегда ставит заглавную песню альбома второй. У меня она будет играть, когда я захочу! А надоест — тоже врублю рандом! И вуаля — пачка новых впечатлений! Опять же, звукозапись стала доступнее! Она прямо-таки стала народной. Если хочешь, ставишь софт на средненький комп и пишешь дома. Или вообще ремиксы делаешь! И не надо лейблам ничего отчислять — записал худо-бедно и выложил на форум. Так что имеем инфляцию творчества как она есть. И я предполагаю, это тенденция будет только расти, — Журналист наконец отхлебнул из банки пиво и с облегчением выдохнул. — Короче читайте статью, там все

подробнее.

— Хочешь сказать, технологии убивают творчество? — я решил подать голос.

— Только когда к этому примешивается бизнес. А он, к сожалению, примешивается всегда, если есть что продать.

— Летим к деградации?

— Ну отчасти да, но творчество всегда же идет волнообразно, я об этом-то и хотел сказать в статье! Сначала технология делает творчество доступнее, потом это встает на коммерческие рельсы и подстраивается под реалии, чтобы продавать много и часто. Но подлинные хиты живут десятилетиями и даже столетиями! Ну, есть и плюсы у этого.

— Ну-ка, ну-ка! Какие?

— Ну в связи с доступностью цифровой музыки мы начали больше ценить живые концерты. По сути, сейчас музыка в mp3 — это как синглы в пятидесятые. Послушал — и принял решение идти на концерт. Ну или не идти. А живое выступление — это все еще, слава богу, удел подлинных мастеров!

— Ну да, «Sex Pistols»-то те еще мастера были!

— Ну на их концерты и не музыку послушать шли, а башкой потрясти как следует.

— Напрашивается материал для второй статьи, м? — Демиург подмигнул Журналисту и отхлебнул пиво.

— Какие мысли? — нарочито равнодушно поинтересовался музыкальный обозреватель.

— Ну можешь сделать анализ, как радиоэлектроника вли-

яла на жанры. И даже на развитие цивилизации в целом...

— Хм...

— Ну а чего хмыкаешь? Не изобрели бы транзистор, не было бы перегруженных гитар... — и это самый банальный пример. Остановись изобретатели на радио из розетки — и не было бы рейвов, где надо, чтобы басы грудак пробивали. Подумай-подумай! — подмигнул Демиург.

— Дело говоришь, — кивнул Журналист, — ладно, надо завязывать уже, дамы заскучали.

— Заскучали! Давно пора! Давайте песни петь! — хором отозвались присутствующие дамы.

— Решено! Давайте бахнем по рюмочке, и да начнется песня! — отчеканил Журналист.

И начались песни под гитару.

Глава 2

Начало светать. Настал тот самый момент, ради которого затевается любая гулянка, — когда двое остаются на кухне, допивая уже все подряд, в разной степени меняя градус, и говорят много, до изнеможения. Мы остались вдвоем с Демиургом, наши товарищи же полегли в битве со зеленым змием и необходимостью завтра рано вставать.

— Еще по шкалику?

— Взрывавай, — с деланным равнодушием согласился он.

— Ну окей. Допустим, вселенная была создана неким высшим разумом... А зачем? — я твердо решил не сливать просто так этот раунд.

Соперник был силен в словесных перепалках, явно имел твердое собственное мнение по нашей теме. Собственно, из-за подобных рассуждений вслух его и прозвали Демиургом.

— Опыт получать, известное же дело.

— А зачем ему этот опыт? Куда он его девать-то собирается? В резюме допишет?

— Твоя проблема, что ты рассуждаешь с точки зрения человека. Надо обязательно, мол, любой опыт применять. А у него вообще не было до нашей вселенной никакого опыта, понимаешь?

— Ну как это? Бог без опыта? Такого на работу не возь-

мут... Ик... Точно, — ненавижу эту свою стадию опьянения, когда организм вовремя не подал сигналы к тошноте, а потом ему уже и отступить некуда.

— Троллить изволите? Ну, слушай тогда, — представь себе НИЧТО...

— Легко! Холодный вакуум межзвездных пространств! Ик...

— Мы просто не научились фиксировать, что там, в межзвездном пространстве. Оттого и назвали это, не фиксируемое, темными материей и энергией. Но мы научимся, если ничего не будет нас отвлекать.

— Вот только опыта наберемся, ага... Ик... За науку! — я решил, что пришла пора тоста. Может, получится сменить тему, потому что моя голова уже с трудом отслеживала нить разговора.

— НИЧТО! Просто нет ничего. А может, там много чего есть, просто оно взаимоисключающее... Ну представь мир, где антиматерии и материи поровну. Вот в нем возникает аномалия. Точка информации.

— Откуда возникает? — попытался я просверлить умника подозрительным взглядом, но, видимо, получилось не очень убедительно.

— Не суть! В мире, где у тебя бесконечный запас времени, и в нем может происходить все, что угодно... По закону вероятности, в конце концов, может возникнуть точка, на которую не найдется никакой управы. Считай, ошибка в коде.

— Это мне поняаяяятно, — протянул я, хотя понимал уже с трудом.

— И вот представь, что все это пространство скомпенсированных вероятностей и есть бог. Не какой-то старик с бородой, а все это пространство, хотя и не имеющее границ, это и есть бог! И вот с появлением аномалии у него возникла опция наблюдать. Вместе с наблюдением появляется возможность ОСОЗНАВАТЬ. Себя в первую очередь — наблюдающим за этой точкой-аномалией. За наблюдением рождается интерес.

— Почему рождается? — казалось, моя голова сейчас лопнет.

— Потому что вероятность этого не нулевая. Я так говорю, как будто это мгновенно происходило, но там нет времени, понимаешь? Нет времени, а есть вероятность всех событий, поэтому рано или поздно, опять же, хрен знает, насколько эти слова тут уместны, возникнет все, что угодно!

— Ну допустим...

— Вот именно, потому что допускаем! Интерес побуждает к действию, точка-аномалия была заизолирована, чтобы интерес продолжался как явление.

— Чем заизолирована? — я сделал еще одну попытку поймать собеседника.

— Хм... Как бы тебе объяснить... Сферой, способной записывать информацию.

Кажется, я завис. Я старательно перебирал «отсеки» с ин-

формацией в моем мозгу, чтобы привязать сказанное хоть к чему-либо. Но, кажется, будучи в дрезину пьяным, я перебрал всю свою картотеку, и моя голова заболела еще сильнее. Вот была же мысль спать идти, иначе наступит похмелье. Вечно профукиваю этот момент.

— Судя по твоему офигевшему лицу, ты слегка удивлен, — Демиург пощелкал пальцами у меня перед глазами, — ты не пытайся все это осознать сразу, сегодня уже не получится, а то голова разболится еще сильнее.

Эти слова привели меня в чувство. Кажется, я снова был готов постигать тайны мироздания и ждать, когда собеседник запутается в показаниях.

— Имеем интерес как явление, да?

Я кивнул.

— Интерес — это тяга к получению информации, согласен?

Я опять кивнул и икнул.

— Ну вот где эту информацию хранить-то? Нет у бога ничего человеческого, понимаешь?

Я кивнул, хотя ничего не понимал.

— С этого момента, считай, существует наша вселенная. Она развивалась и вот развилась до наших дней. Завтра, а точнее уже сегодня, будет лекция знакомого нам профессора. Вот он там про теорию появления вселенных затирать будет. Можно спросить все, что ты хочешь, — про то, как в этой сфере дела обстояли все сто сорок миллиардов лет.

Пошли?

— Говно вопрос! — я поднял стакан с красным вином, и мы чокнулись. — Но мы начинали же не об этом! Точнее, я уже не помню, с чего мы, ик, начинали, но ты затирал чего-то про божественный опыт. Ага! Попался, — обрадовался я.

— Да, прости, отвлекся, — Демиург осушил свой стакан и разлил нам еще.

— Ты вообще пьянеешь?

— Так же, как и все. Просто знаешь, когда недосып хронический, алкоголь как-то иначе действует, до какой-то степени пьянит, а потом, знаешь, как тахометр — перелетает максимально значение, и опять на нуле. Надо было домой ехать часа четыре назад, но увы!

— Увы, ик... — кажется, мой тахометр тоже подошел к максимальному значению. Может, тоже через ноль перепрыгнет?

— Интерес. Сфера для записи информации есть? Есть! Дело за малым! Впитывать в себя эту самую информацию жадно, как первый глоток пива вечером в пятницу. Может, даже бог испытывает от этого такой же эффект как от бухла!

— И зависимость, и похмелье! Я догадался сам! Понял, нет?

— Понял, — усмехнулся Демиург, — ну, тут ты в точку! Чем больше информации появляется, а ее, походу, дохера появляется, то вначале вселенная преобразовывалась... В ней стали устаканиваться какие-то закономерности, проис-

ходило всякое интересное. Ну и какие-то миллиарды лет его это устраивало. И вот не так давно, по мерками существования вселенной, — возникаем мы! Не просто живые существа, а осознающие себя! Прикинь, какой левел ап! Не сидишь и ждешь, что там, когда туманность надумает двинуться к черной дыре, а каких-то сто лет плюс-минус, и столько впечатлений! Страдания, радость, взросление, горечь утраты, любовь, секс, в конце концов! А технологии! Просто прорва событий!

— Он, короче, реалити-шоу смотрит! — догадался я.

— Вот тут ты не прав, потому что опять с человеческой точки зрения мыслишь! Он не наблюдает! Он проживает всё это через нас! Говорят же, мол, бог — он в каждом из нас. Я думаю, вот что-то такое и есть.

— Ха! — ну сейчас-то я его разнесу! — То есть, все войны, преступления, насилия, геноцид, — это все он, хочешь сказать?

— Именно это и хочу!

— Да и пошел он тогда в хер, такой бог, вот что я те скажу!

— Понимаю твой гнев праведный и возмущение, но вот такое мое мнение, и, заметь, достаточно логично все происходящее объясняющее, — проповедник промысла божьего опрокинул стакан.

— Не-не-не! Это не справедливо! Это вообще тупо — все на божий промысел валить! Ты еще скажи, что все происходящее уже в книге бытия написано, и сопротивляться бес-

полезно! — казалось, мой тахометр вот-вот перевалит в заветный ноль.

— Я этого не говорил. И так не считаю. Прописанный сценарий лишает все шоу, как ты выразился, интереса. Предсказуемость убивает ожидание! Понимаешь?

— С трудом, — а нет, еще не перевалил на ноль.

— Бог пронаблюдал вселенную до момента, когда хаоса стало минимум, но именно он, хаос, и делает жизнь интересной! Творчество, любовь с первого взгляда, сумасшествие — все это толика хаоса в нашей вселенной, и она рождает неопределенность, а это интересно! Часто ты фильмы пересматриваешь?

— Постоянно, ик!

— А новые детали замечаешь? А может, переосмысливаешь по-новому сюжет и главных героев, м?

— Не-а! Я пересматриваю, чтобы опять те же, ик, эмоции пережить!

— Ну если так, то вот и конец света.

— Че это?

— Вот когда все люди станут как ты, — Демиург ткнул в мою сторону опять почему-то полным стаканом, — похоронят заживо весь хаос в своих жизнях, утратят интерес к новому и любопытство... А что, мол, если сделать по-другому? Тогда бог и утратит интерес к нашей вселенной! — Демиург опрокинул вино в себя.

— И что будет?

— Вот не знаю. Конец света будет, — пожал плечами собеседник.

— Да и хер с ним! Я хочу стабильности! Мне этого хаоса по горло с родителями хватило! Опыт ему понадобился, да пусть в хер идет, наблюдатель хуев! — обида во мне, кажется, нашла слабое место и стремительно рвалась наружу. — А сестра моя в чем виновата? Какой она, нахер, опыт получает, лежа в отключке?! Какой, я тебя спрашиваю?!

— Я понимаю твое негодование...

— Негодование? Да я в ахуе с твоей теорией!

— Успокойся и подумай о том, что ты волен сам распоряжаться своей жизнью! Никто тебя не ведет и специально испытания ни тебе, ни твоей семье не подкидывает! Так сформировался механизм нашей вселенной, вероятность чего угодно не нулевая! Возможно все!

— Слушай, умник, все у него возможно! Мы все перепробовали! Никакого результата! Отец из-за этого спился, мать, угашенная хронически! За что нам все это зло?!

— Я тебе расскажу... — Демиург дождался, когда я отдышусь и сяду на место. — Ты думаешь, что только злему богу нужно зло, да? Доброму бы оно не понадобилось? Но я тебе скажу, что он не делает зла, он вообще ничего не делает, вселенная уже настроена так, что в ней возникают контрасты: день и ночь, добро и зло, любовь и ненависть. Мы обогащаем коллективный разум, если хочешь. опытом. Мы — его способ редактировать реальность! Зло в этом коллектив-

ном разуме рассеивается добром, потому что зло всегда что-то прекращает, а добро — продолжает, понимаешь! В самом механизме вселенной заложена победа добра над злом, потому что любовь, сострадание и милосердие — вот то, что меняет этот мир в лучшую сторону и рассеивает зло! Частью же нашего механизма являются контрасты: чего бы стоила любовь, не будь ненависти? Как бы ты ощутил сострадание, не будь в тебе искры зла? Бледненько, друг мой, понимаешь? Хотел бы ты жить в мире без боли и страданий?

— Нет, я хочу просто, чтобы мои близкие не страдали!

Он пододвинулся, обнял меня и начал гладить по голове, а я ревел ему в плечо. Так прошло сколько-то минут, и вдруг что-то теплое и хорошее начало пробуждаться в самой глубине моей души, стало так хорошо. И мир начал казаться таким прекрасным, и столько хорошего вспомнилось сразу, что я засмеялся сквозь слезы. Хорошо-то как! Потом я обнаружил себя в объятиях мужика. Господи, позоруха-то какая! Хорошо, что не видит никто. И чтобы как-то сгладить неловкий для себя момент, я решил спросить:

— А ты, кстати, почему в темных очках-то сидишь? Прозрение глаза слепит?

— Ну, во-первых, уже рассвело, во-вторых, у меня врожденная чувствительность к свету, глаза болят — не могу! Врачи ничего не могут сделать, вот и приходится либо в очках, либо в линзах, но я линзы не могу постоянно носить. Под вечер — как песок под веки насыпали. Слушай, ты шу-

руй-ка спать. Я тебя в обед наберу завтра, ну насчет конференции этой.

— Какой конференции? — задумчиво спросил я, поскольку уже вообще не помнил ни про какую конференцию.

— Профэссорскую, — Демиург важно поднял указательный палец, — короче, вали спать, завтра все расскажу. Прощай, вымучу, не ссы. И не бойся.

— А ты на чем приехал-то? Как обратно поедешь сейчас?

— Шутишь, что ли? Я всегда тут был!

— Тогда скидывайся за коммуналку!

Он мягко поднял меня со стула и направил из кухни в сторону, где, по его предположению, должна была быть кровать.

— Давай падай, я приберусь тут немного, и завтра словимся!

Я помахал ему и поплелся в спальню. Дошел до кровати и упал лицом в подушку, не раздеваясь. Кажется, похмелье вовсе не закончилось.

Глава 3

— ... Таким образом, можно утверждать, что наша вселенная — это, скорее, информация, нежели материя. И чем больше информации у нас есть, чем больше опыта мы проживаем, тем больше этой информации отпечатывается на сфере нашей вселенной. Это касается всех живых существ, имеющих сознание, я предполагаю. И тут, для описания постоянно расширяющейся вселенной, можно провести аналогию с мыльным пузырем — чем больше у нас мыла, тем больше пузырь мы сможем из него надуть.

— Профессор, я полагаю, что вселенная будет расширяться бесконечно. Пока происходит, так скажем, воспроизводство информации? — в зал передали микрофон, и прозвучал первый вопрос.

— Да, мы полагаем так. Можете выдохнуть, до конца света еще далеко, — зал хохотнул, — опять же, оговорюсь, все это справедливо именно для той части вселенной, про которую я и говорил. Все, что находится за пределами информационного пузыря, как бы это ни звучало, — предмет отдельной дискуссии. Следующий вопрос, пожалуйста.

— Профессор, давайте все же устроим эту отдельную дискуссию! Что же за пределами нашего информационного пузыря?

— Я думаю, ничего. Вот прямо совсем ничего! Возможно, там действуют совсем иные законы. Быть может, там царит полнейшее равновесие всего и вся, и, по сути, все вероятности захлопнуты в ноль силами противодействия. Вот к чему порядок-то тотальный приводит. Можно предположить, что сфера нашей вселенной — это аномалия. То, чего не должно было быть. Точнее, не так — наша вселенная — это очень, ооочень, оооооочень низковероятностная аномалия!

— А бог? Ну то есть, если бы он существовал, то он находился бы, скорее, внутри нашей сферы или снаружи?

— Я думаю, что он и есть наш пузырь со всеми внутренностями, — профессор был доволен своей шуткой, — следующий вопрос, пожалуйста. Вот вы, да.

— Здравствуйте! У меня вопрос, логично вытекающий из предыдущего. Спасибо, девушка, что задали его. Я читал в одном из интервью, что вы считаете Библию просто неправильно понятой или неверно переведенной, что видите какие-то параллели в ее тексте. При этом вы являетесь атеистом, насколько мы знаем. Спасибо, — парень в темных очках передал микрофон дальше, но остался стоять, ожидая ответа.

— Ну скажем так, мне хочется верить, что люди древности кое до чего докумекали сами, просто им не хватало научной базы, так скажем... — профессор замолчал, подбирая слова. Он не любил говорить на эту тему и давно пожалел, что когда-то такое ляпнул в интервью. — Ну если провести

аналогию с одним из священных писаний, хотя это звучит, конечно, притяннуто за уши... Но если вы настаиваете, то я это вижу так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Я думаю, что это не совсем точный перевод. Правильный перевод должен был быть как «в начале был звук». Звук — как колебания, энергия. То есть сначала что-то начало движение... Такие колебательные движения, смена состояний. Я думаю, что смена противоположностей — это и есть начало возникновения информации. Если хотите, пусть даже в виде двоичного кода. А раз что-то начало происходить, то тут же появилось и время — и сложилась цепочка событий. В священных книгах этот момент озвучен как «... и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью...». Вот так возникло время. Иначе как бы он понял, сколько ему еще осталось работать над проектом, да?

По залу прокатилась волна смеха.

— Что там дальше у нас по тексту?

— Твердь! Создал землю. Твердость! — посыпалось из зала.

— Точно! Согласно писанию, бог создал «твердь». То есть из колебаний и энергии начинают возникать первые частицы. Если говорить серьёзно, момент возникновения материи — ключевой. Энергия, колеблясь, постепенно перестала быть чистой волной. Возникли стабильные формы — частоты, которые не распадались, а повторялись. Так родилась материя, если угодно, «уплотненная информация». Именно

этот момент я всегда обещаю себе изучить подробнее... Но, как видите, до сих пор не успел.

В горле профессора пересохло, он сделал несколько больших глотков из стакана, окидывая зал взглядом. Кажется, его речь заходит, никто в телефонах не сидит, на креслах не ерзает. Надо продолжать.

— А далее про небо, воду и растения, да? Верная последовательность?

Зал дружно закивал.

— Я думаю, что авторы сильно поторопились с событиями. Лично я понимаю этот этап как формирование первых скоплений материи, чему предшествовало установление всем нам известных физических констант. Предвкушая традиционный в этом месте лекции вопрос, сразу отвечу — нет, они не были и не могли быть установлены так точно. Работа шла методом перебора, пока, при достижении наших величин, информация не начала уверенно увеличиваться в объеме, а не уменьшаться. Думаю, этот этап занял бы очень много времени, если бы у кого-то тогда были часы. Может быть, поэтому автору книги было проще разбить работу на семь этапов и определить каждый из них как день, — профессор театрально развел руками.

— ... И создал бог почему-то рыб... А потом растения. И отдельный день посвятил созданию наземных тварей. Ну так, в общем-то, нам и описывают весь процесс палеонтологи. Сначала жизнь зародилась в воде, а потом уже пере-

ползла на сушу. Но это все следствие, а предшествовало этому формирование первой РНК, что мы до сих пор считаем главным определением живой и неживой материй. РНК суть есть сжатая информация, буквально сжатая, но, кроме того, способная эту информацию реплицировать, то есть делиться. Более того, в самой ее сути заложено это стремление, эта программа деления. И она так же способна, и даже предпочитает эту информацию в себе менять или дополнять, что мы подразумеваем под процессом мутации. Наверное, уже начинает казаться, что я правда верю в бога и во все его магические промыслы, поэтому считаю важным пояснить, что «оживление» информации является логичным этапом эволюции информации как таковой! Тяга к изменению и накоплению! — профессор поднял указательный палец. — Ну к чему это привело, мы все сейчас видим. А вот как привело, это уже вопрос к палеонтологам! Утверждать, что бог прямо вот целенаправленно создавал нас, людей, — очень по-человечески и очень эгоцентрично. Не знаю, честно говоря, зачем я тут сам себе эту яму вырыл. Еще вопросы, пожалуйста.

— Профессор, у меня еще вопрос, — почему-то микрофон опять оказался у того же парня в темных очках, — если что-то за пределами нашей вселенной существует, что, теоретически, произойдет, если что-то из нашего мира попадет за пределы нашего пузыря, как вы выразились? Какими свойствами это что-то должно обладать, чтобы иметь возможность выйти за пределы?

— Отличный вопрос, юноша! Понятно, что мой ответ не будет иметь никакой экспериментальной базы. Но если вот так вот фристайлом, так сказать, порассуждать на эту тему, то вот вам мой ответ. Начну со второго вопроса. Во-первых, чтобы выйти за пределы наших законов, это должна быть никак не материя, это исключено. Здесь думаю, согласитесь. Я думаю, что это должна быть информация. Очень много, можно сказать, вся. Так сказать, архив нашей сферы, при этом самораспаковывающийся. Слышали, молодой человек, когда-нибудь про библиотеку Борхеса? Это теоретическая сущность, в ней собраны все комбинации букв латинского алфавита, и некоторые слагаются в осмысленные тексты, чисто по теории вероятности. Ну почитайте подробнее на досуге. Во-вторых, архив должен быть сжат до максимально минимальных пределов. Как бы это ни звучало, так сказать, информационная ДНК вселенной! Ну и напоследок, пришлось бы задействовать колоссальные вычислительные мощности для расчета корреляции состояний, знаете, как квантовая запутанность на более высоком уровне. Возможно, из этой точки возникнет еще одна сфера ... Ну из всего вышесказанного, мне кажется, отвечать на первый вопрос нет смысла.

— Но вы все же ответьте, пожалуйста, — не унимался юноша в черных очках.

— Я думаю... — профессор медлил.

Вопрос не предполагал получение абсолютной истины, но профессор никак почему-то не мог сформулировать ответ.

Он не понимал, сколько точно прошло времени, зал замер в ожидании. Или картинка зависла. Надо бы потряхнуть головой, может, мир опять оживет. И как только профессор подумал об этом, мир ожил, и он сам тоже:

— Я думаю, что обе наши сферы прекратят существование, схлопнувшись сами на себя!

Зал зашумел. Люди начали выкрикивать вопросы с мест, их голоса слились в какую-то единую звуковую кашу. К профессору уже спешила команда организаторов конференции. Первым к микрофону добежал ведущий и, отеснив спикера мягко, но настойчиво, почти запел в микрофон:

— К сожалению, наше время вышло. Давайте поблагодарим всех участников за чудесные доклады, за ответы на ваши вопросы. Ваши аплодисменты! Напоминаю, что в холле нас с вами ждет небольшое афтепати, где обладатели ВИП-билетов могут пообщаться с нашими спикерами. Жду вас там, счастливички, а с остальными присутствующими я прощаюсь! Спасибо вам!

Зал превратился в большой океан из людских тел, их голосов и шума складывающихся кресел. Профессор встретился взглядом с парнем в черных очках. Юноша, задававший ему вопросы, стоял посреди этого волнующегося океана, улыбался и смотрел профессору в глаза. Перед глазами замаячили волонтеры, которые должны были убрать сцену и помочь

спикерам дойти до холла с афтепати, так что профессор не заметил, куда ушел этот любопытный юноша, тот просто как-то пропал из виду. Идти на банкет ему не хотелось. И светило науки сослался на плохое самочувствие и попросил отвезти его в гостиничный номер. Заснул он не сразу. Перед глазами маячила картина людского океана и провалы черных очков, а в голове зазвучал эпиграф из какой-то книги: «Где я в этом потоке?».

Глава 4

Казалось, я просидел над кодом всю ночь. Ну, может, вырубился минут на тридцать. Время близилось к обеду, безумно хотелось спать, но я твердо решил закончить. Раздался звонок домофона. Кого еще несет там? Это, наверное, спамеры с листовками — пытаются проникнуть в парадную. Сейчас я им!

Пока я искал, что бы надеть (вдруг не спамеры, а какая-нибудь прекрасная туристка заблудилась и решила попросить помощи именно у меня. Вероятность этого мала, но не нулевая же), звонки прекратились. Ну и славно, выдохнул я. Однако, что надеть, нашел. Звонки возобновились. Какие настойчивые!

— Кто там? — рявкнул я в трубку домофона.

— Эт я! С ттттобой ввввсе в пппорядке? — послышалось знакомое заикание.

— Да, все хорошо. Заходи! — я нажал кнопку, открыл дверь и пошел к компу. Надо успеть сделать как можно больше, даже если не успею закончить. От Коммерса так быстро не избавишься.

В итоге ничего я закончить не успел. Даже скринсейвер еще не выключился, как в комнату явился мой гость. Выглядел озабоченно, зато в руках у него была переноска с тремя

стаканчиками кофе и бумажный пакет со знакомым логотипом. Люблю этот его подход — никогда не приходит в гости с пустыми руками!

Я принял угощения, отхлебнул горяченького кофе и полез в пакет. Я вдруг осознал, что ужасно голоден. Коммерс молча пил кофе и ждал, пока я смету гостинцы и перестану швыркать кофе.

— С ттттобой ввввсе нннннормально? — повторил он свой вопрос.

— Ну... да, — промычал я недоуменно, — а что? Почему со мной должно быть что-то не так?

— Отккккрой ассську, ппппожалуйста.

Я шелкнул на свернутое окно мессенджера и увидел триста восемьдесят с чем-то непрочитанных сообщений.

— Ммммм... — попытался я подобрать слова, — ну... заработался, ну бывает. А что случилось-то? Если срочное что-то, звонил бы на телефон.

— Он пппостоянно ззззанят.

— Да? А, ну конечно, занят! Модем же! Я ж в сети! Так и чего случилось-то?

— Да ннннничччего, — пожал плечами мой гость, — нннну как ннннничего, зззззказ прилетел бббббольшой, ммммм, не спппправимся, ннннаврное. Нннннно я его вззззял и хххххотел с ттттттобой обббсудить. А ттты ввввот на ттттелефоне ввввиснешь уже суттттки.

— Ааааа, блин, прости! Чот вдохновение накатило, засел

кодить, и вот твой звонок меня только в себя и привел! Слушай, извини, конечно, но у меня от твоего заикания все чешаться начинает. Иди дунь, там на подоконнике есть немного, тебе ж помогает. Не обижайся, я ночь не спал.

Коммерс, кажется, не обиделся. Подошел к подоконнику и взял трубку, чиркнул зажигалкой и глубоко затянулся. Впросительном повороте взгляда посмотрел на меня.

— А вот там фильтр от противогоза лежит, в него выдыхай.

— Ххххитро ппппридумал, — одобрил он мое технологическое решение.

— Сча минут пять, и будешь как заправский диктор вещать!

Коммерс улыбнулся и повернулся к окну, а я начал листать аську, чтобы понять, какого гостя ждать следующим. Сообщений было много, но, слава богу, по делу были только от Коммерса.

— Ну как ты там? — обратился я к гостю. Мне показалось, что прошло уже минут тридцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.